Никогда не сдавайтесь

Автор:
Уинстон Черчилль

Никогда не сдавайтесь

Уинстон Спенсер Черчилль

Алан Аксельрод

Путь лидера. Легендарные бестселлеры

Серия «Путь лидера. Легендарные бестселлеры» – это семь наиболее значимых в своей области книг о влиянии, управлении, стойкости, внутренней силе, богатстве, решительности и упорстве. Все авторы – признанные лидеры или лучшие эксперты по ключевым навыкам лидера. Эти бестселлеры уже имеют свою историю успеха и помогли миллионам людей добиться выдающихся результатов. Уинстон Черчилль – величайший британец в истории, государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании 1940–1945 и 1951–1955 годов, военный, лауреат Нобелевской премии по литературе. В этой книге сформулированы 25 законов лидерства Уинстона Черчилля, которые позволили ему стать великим стратегом, тактиком, политиком, оратором, менеджером. Каждый закон дополняют комментарии, позволяющие применить эти правила в сегодняшних условиях.

Уинстон Черчилль

Никогда не сдавайтесь

сост. Алан Аксельрод

Alan Axelrod

WINSTON CHURCHILL, CEO: 25 Lessons for Bold Business Leaders

© 2009 by Alan Axelrod

Originally published by Sterling Publishing Co., Inc., New York

Публикуется с разрешения Sterling Publishing Co., Inc (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Деревянко Е., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Аните, как всегда

«Я также надеюсь, что иногда правильно подсказывал льву, где ему лучше применить свои когти».

Речь на пленарном заседании Парламента в Вестминстерском дворце по случаю своего восьмидесятилетия. 30 ноября 1954 года.

Введение

Жизнь лидера

С самого начала его главной потребностью и сильнейшим побудительным мотивом было желание быть в центре событий. Сам по себе этот факт недостаточен для того, чтобы понять личность Уинстона Черчилля, но если его не учитывать, понимание будет неполным. Он родился за два месяца до положенного срока, 30 ноября 1874 года, в роскошном родовом имении – дворце Бленим, расположенном в Вудстоке, графство Оксфордшир. Это преждевременное появление на свет послужило прекрасной прелюдией к жизни, которая прошла в постоянном нетерпеливом стремлении оставлять в истории человечества один неизгладимый след за другим.

Когда младший лейтенант кавалерии Черчилль двадцати двух лет от роду настоял перед верховным главнокомандующим английскими войсками лордом Горацио Китченером на своем участии в Нильской военной кампании, один из сослуживцев из числа младших офицеров отзывался о нем как о «не по годам развитом» и «невыносимо самоуверенном».

На самом деле он представлял собой нечто намного большее. Обычной военной службы ему было недостаточно, и он писал репортажи с полей британских колониальных войн, которые публиковались в английских газетах. Непосредственно перед тем, как Черчилль покинул Индию и присоединился к войскам Китченера в Северной Африке, он выпустил книгу рассказов очевидца о военной экспедиции, предпринятой для усмирения восстания пуштунов в Малаканде (ныне часть Пакистана), которая произвела фурор и стала бестселлером. Литературные критики также говорили о «не по годам зрелом» авторе. Но они вкладывали в это определение позитивный смысл, отмечая мастерство изложения и историческую основательность, обычно свойственные намного более опытным сочинителям. Нередко Черчилль описывал действия старших офицеров отряда так, будто именно он был их непосредственным начальником. Конечно, это не помогало ему заслужить расположение многих из своих персонажей. Нельзя сказать, чтобы их мнение сильно волновало Черчилля. Преждевременно появившийся на свет Уинстон спешил стать историком, а впоследствии и военачальником, и в этом для него не было ничего сверхъестественного.

На первый взгляд, с самого начала его жизнь была связана с высшими сферами общества и политики. Его отец лорд Рэндолф Черчилль – видный политик-консерватор, потомок Джона Черчилля, первого герцога Мальборо и героя Войны за испанское наследие 1701–1714 годов. Он командовал войсками в сражении

при Бленим 13 августа 1704 года, которое стало главной победой англичан в этой войне. Парламент пожаловал ему имение, которое было названо в честь битвы. Потомки Джона являли собой разительный контраст с прародителем: герцоги со второго по шестой номер считались расточительными бездельниками, отличавшимися к тому же несносным нравом. Деду Уинстона, седьмому герцогу Мальборо, удалось вернуть семье доброе имя и приобрести должную долю викторианской респектабельности. Однако он оказался неспособен восстановить ее материальное благосостояние. Содержание Бленима действительно стоило ему немалых усилий, и для этого приходилось распродавать фамильные ценности. Так, к особому огорчению Уинстона, была продана великолепная Бленимская библиотека. Восьмой герцог, приходившийся Уинстону дядей, продолжил активную распродажу и выручил 350 000 фунтов (эта сумма эквивалентна нынешним пятнадцати миллионам долларов), продав одним лотом выдающуюся коллекцию картин старых мастеров. Но несмотря на получение денег и женитьбу на богатой американке (последовавшей за скандальным разводом с первой женой), он продолжил семейную традицию мотовства. В итоге девятый герцог, который был известен как «Санни», не получил в наследство почти ничего, кроме Бленемского дворца. Он, в свою очередь, также женился на богатой американке (одной из девиц Вандербильт), но позже развелся и с ней, и с ее деньгами, и окончил свои дни на грани банкротства.

Отец Уинстона, лорд Рэндолф Черчилль, также женился на богатой американской наследнице, изумительно красивой Дженни Джером. Она была дочерью финансиста и биржевого маклера из Нью-Йорка, одно время бывшего совладельцем газеты New York Times и скаковой конюшни.

Лорд Рэндолф сочетал в себе две основные фамильные черты Черчиллей. Будучи ярчайшим олицетворением политика-тори, он тем не менее пользовался уважением среди людей труда, и был к тому же блестящим оратором. Из членов парламента он выдвинулся на пост государственного секретаря по делам Индии. Затем стал канцлером министерства финансов, что примерно соответствует посту министра финансов США. Но считал это не более чем этапами на пути к еще более высоким государственным должностям. Лорд Рэндолф, как впоследствии и его сын, не отличался терпеливостью и усидчивостью. Его не удовлетворяло обычное карьерное продвижение к вершинам руководства Консервативной партии, и он попытался заставить маркиза Солсбери уступить пост первого лорда-казначея, с которого открывалась прямая дорога к креслу

премьер-министра в следующем правительстве консерваторов. Однако Солсбери удалось устоять, и в результате выборов 1886 года он стал премьер-министром. А лорд Рэндолф немедленно подал в отставку с поста канцлера министерства финансов в напрасной надежде свалить этим поступком нового премьера. Он рассчитывал на свою популярность в парламенте, но ее оказалось недостаточно для того, чтобы развязать открытый бунт в среде тори. Солсбери остался на своем посту, а лорд Рэндолф Черчилль, добровольно уйдя в отставку, неожиданно для себя оказался на обочине политической жизни.

Его политическая карьера пошла насмарку, но худшее было впереди. В жизни респектабельного деятеля Консервативной партии стало происходить нечто, что многие считали фамильным проклятием Черчиллей, – появились признаки слабоумия и целый ряд других неврологических симптомов, которые в то время обычно считали верными признаками третичного сифилиса. В Викторианскую эпоху было принято относить появления психических отклонений на счет венерических заболеваний. Но многие современные медики обоснованно полагают, что лорд Рэндолф мог быть жертвой опухоли головного мозга. Однако коллеги, общественность и члены семьи, не исключая Уинстона, были уверены в том, что у него сифилис. И это делало зрелище быстрого увядания совсем еще недавно блестящего ума особенно болезненным и горьким. Речь некогда прекрасного оратора превращалась в бессвязное бормотание, похожее на болтовню пьяного. И сходство это усиливалось текущей из рта слюной и склонностью пустить слезу на публике. Дженни, которая в течение совместной жизни отнюдь не являлась образцом супружеской верности, преданно ухаживала за ним в течение всего самого тяжелого периода угасания. В 1894 году она взяла его в морское путешествие (викторианцы считали путешествия панацеей), но это не помогло остановить процесс деградации нервной системы. И 24 января 1895 года, вскоре после возращения четы в Лондон, лорд Рэндолф скончался.

«Всем моим мечтам о дружбе с ним или о нашей совместной работе в Парламенте, где я мог бы поддерживать его, не суждено было сбыться. Мне оставалось только продолжить его дело и отстаивать его доброе имя».

«Мои ранние годы», 1930

За несколько месяцев до этого печального события юный Уинстон Черчилль стал кадетом Королевского военного колледжа Сэндхерст. Он боготворил отца, но,

что весьма характерно, не идеализировал его. В его романтическом мироощущении отец представлялся не лидером-неудачником, которым он был в действительности, а тем великим лидером, которым он мог бы стать. В таком видении было немало воображения, но никак не самообольщения. Уинстон знал, что представлял собой его отец. Приехав на похороны из Сэндхерста, он потребовал полного отчета о болезни, унесшей Рэндолфа в могилу. И узнав, что причиной смерти сочли запущенную стадию сифилиса, не выказал ни малейшего смущения. Позднее он говорил о том, что во время похорон отца он почувствовал, что «наступил его час поднять потрепанный флаг, лежащий на поле боя». И что он должен добиться членства в Парламенте, чтобы продолжать начатое им и «отстаивать его доброе имя».

* * *

Уинстон Черчилль обожал свою красавицу мать и восхищался преданностью, с которой она ухаживала за отцом в последний период его жизни. Даже если он и догадывался о многочисленных эпизодах неверности, предшествовавших последнему всплеску супружеского долга, это никак не повлияло на его отношение. Что еще замечательнее, его, похоже, совершенно не обижало безразличие матери к нему самому: она никак не выказывала своих материнских чувств, а напротив, держалась холодно и отстраненно. Лорд Рэндолф Черчилль также не слишком старался в проявлении отцовских чувств. Он был даже не холоден, а суров по отношению к Уинстону, видимо, полагая, что постоянная критика в адрес сына поможет тому искоренить вредные черты, которые испортили жизнь ему самому.

«На мой взгляд ребенка, моя мать была ослепительна. Она сияла, как Венера на ночном небосклоне. Я очень любил ее – но издалека».

«Мои ранние годы», 1930

Уинстон Черчилль отнюдь не был слеп в отношении недостатков родителей. Из практических соображений его воспитание поручили няне. Миссис Энни Эверест (которую он прозвал «Вум») восполняла воспитаннику недостаток родительского тепла и любви, и он платил ей преданностью. Когда после девятнадцати лет службы Черчилли уволили ее с мизерной пенсией, Уинстон старался выкраивать из своего скромного содержания хоть какие-то средства, чтобы помочь ей. Он

понимал, что родители поступили по отношению к ней жестоко, и пытался исправить несправедливость. Всего через четыре месяца после смерти Рэндолфа Черчилля Вум сразил перитонит. Уинстон нанял врача и сиделку и сам находился рядом с ней в последние часы ее жизни, а затем оплатил похороны, место на кладбище, надгробие и даже постоянный уход за могилой. Он полагал, что обо всем этом должна была позаботиться его мать, но не высказал ни малейшего упрека в ее адрес.

«Моя няня (миссис Эверест) была моей конфиденткой[1 - Доверенное лицо.]… моим самым дорогим и самым близким другом».

«Мои ранние годы», 1930

По всей видимости, молодого Уинстона совершенно не обижала строгость отца. Он признавал, что многое в его поведении заслуживало порицания. Он рос болезненным и непослушным ребенком, смышленым, но совершенно неприспособленным к какому-либо подобию дисциплинированной учебы. Все предыдущие поколения Черчиллей учились в Итоне, но лорд и леди Черчилль сочли, что их сын провалится на вступительных экзаменах, и отправили его в Хэрроу. Эта чуть менее знаменитая школа была блестящей альтернативой. Но, как вспоминает Уинстон в книге «Мои ранние годы» (1930), на вступительном экзамене он опозорился: «Вверху листа бумаги я поставил свое имя. Затем я написал номер вопроса – 1. После долгих размышлений я обвел цифру скобками, и это стало выглядеть как (1). После этого мне уже не приходило в голову ничего, что имело бы отношение к предмету». Тринадцатилетний Уинстон запомнил, что затем «непонятно откуда» на девственно чистом листе образовалось несколько клякс и помарок. «Целых два часа я провел, уставившись на это унылое зрелище, а затем милосердные служители забрали мои каракули и отнесли их на стол директору школы». Тем не менее Уинстон Черчилль был принят в Хэрроу. Должно быть, он хорошо понимал, что это произошло не по причине продемонстрированных им успехов.

Один из устойчивых мифов о Черчилле гласит, что в школе он был заядлым двоечником. Действительно, его оценки по французскому, древним языкам и математике были неровными – иногда хорошими, а иногда плохими. Ему всегда нравилась история, и по этому предмету (который в то время считался неважным) у него была хорошая успеваемость. Однако учителей беспокоила не столько его академическая успеваемость, сколько поведение, которое частенько

бывало безобразным. Успехи он демонстрировал всего в трех школьных дисциплинах: фехтовании (стал призером чемпионата среди учеников частных школ), декламации (получил награду за чтение по памяти нескольких сот строф из «Песен Древнего Рима» Томаса Бабингтона Маколея) и сочинении на родном языке. И Уинстона перевели в класс некоего Роберта Сомервела, который он впоследствии называл исправительным. В то время как мальчики в обычных и продвинутых классах совершенствовались в греческом и латыни, Сомервел большую часть времени посвящал преподаванию английского языка, делая особый упор на сочинении. Эти уроки, по более позднему свидетельству Черчилля, сделали благородное дело – дали ему глубокое понимание основ строения фразы на английском языке.

В подростковом возрасте Черчилль полюбил английский язык и научился грамотно им пользоваться. Он в полной мере проникся ощущением того, что этот благородный язык является именно его языком, языком британского народа. Нередко замечают, что национализм – то есть понимание неотделимости личности от своей нации – основан на языке. Завоеватели считали победу над порабощенным народом неполной до тех пор, пока им не удавалось уничтожить его язык.

На штыках своих армий они приносили законы, предписывавшие угнетенным отказ от публичного использования собственного языка в пользу языка победителей под угрозой самых суровых наказаний. И Черчилль при помощи слов, которые он читал, писал или произносил, стал осознавать себя британцем с юных лет. Он ощущал свою принадлежность к великой нации существенно глубже, чем это позволяет делать интеллектуальное или даже эмоциональное восприятие. Осознание себя британцем стало вторым «я» Уинстона Черчилля. Оно бесконечно радовало его и сформировало его личность.

«Мои однокашники (по Хэрроу) старательно овладевали латынью, греческим и прочими дивными вещами. Но меня учили английскому. Считалось, что такие болваны, как мы, неспособны выучить ничего, кроме английского».

«Мои ранние годы», 1930

Но таланта к сочинительству на родном языке и любви к родине было недостаточно, чтобы начать успешную карьеру. На закате Викторианской эпохи

путь к государственной власти пролегал через дипломатическую, гражданскую или военную службы. Во всех трех случаях было необходимо подтверждение блестящих академических успехов и прохождение сурового вступительного экзамена. Даже наличие знаменитой фамилии не могло служить этому заменой. Поступление и на дипломатическую, и на гражданскую службы подразумевало наличие высоких оценок именно по тем дисциплинам, к которым Уинстон оказался неспособен или которыми не хотел заниматься, – классическим наукам, иностранным языкам и математике. Ему оставалась военная служба.

Для без пяти минут выпускника Хэрроу Уинстона Черчилля армия выглядела заманчиво. В детстве его любимой игрой были солдатики. Несмотря на тщедушность и болезненность, он любил верховую езду и занятия спортом на открытом воздухе. Фехтование давалось ему легко. Звание офицера Королевской армии представлялось намного более достижимым, чем поступление на гражданскую или дипломатическую службу, но и для этого нужно было пройти экзамен. Уинстон решил, что сдаст его без проблем. И чуть не провалился, едва набрав достаточный балл для зачисления в кавалерию, несмотря на то что здесь требовалось намного меньше академических знаний по сравнению с пехотой, артиллерией и саперными войсками. На то были свои причины: о бестолковости английских кавалеристов ходили легенды. В дело вмешался даже лорд Рэндолф, который потребовал от Уинстона пересдать экзамен в надежде на то, что тот сможет добиться зачисления в более респектабельную пехоту.

Уинстон послушно отправился на пересдачу, но не получил достаточно высоких оценок даже для кавалерии. И хотя лорд Рэндолф крайне редко занимался делами сына, на этот раз ему, видимо, стало стыдно за Уинстона, или он почувствовал свою долю вины в его неудачах. Он нанял военного инструктора, которому удалось вбить в голову ученика достаточно знаний для того, чтобы тот наскреб проходной балл на вступительных экзаменах в военную академию Сэндхерст в июне 1893 года. Уинстон снова оказался всего лишь в кавалерии, но лорд Рэндолф, уже смертельно больной к тому времени, смирился с этим. Но все же дал сыну понять, насколько глубоко тот его разочаровал.

* * *

При поступлении в Сэндхерст юный Черчилль занял девяносто пятое место в рейтинге ста четырех курсантов, зачисленных в академию. К моменту выпуска

он занимал двадцатое место в рейтинге своего курса, состоявшем из ста тридцати человек. Он был отличником в строевой подготовке, гимнастике, верховой езде и тактике. Эти замечательные успехи позволяли ему рассчитывать на распределение в 60-й пехотный полк, что, несомненно, обрадовало бы его отца, будь он жив. Но вместо этого Уинстон выбрал кавалерию – элитарный и очень модный 4-й гусарский полк.

«Многие годы я пребывал в уверенности, что опыт и чутье моего отца позволили ему распознать во мне прирожденный дар полководца. Но позже мне объяснили, что он просто считал меня недостаточно смышленым для карьеры юриста».

«Мои ранние годы», 1930

В феврале 1895 года молодой Черчилль получил назначение в полк, который должен был отправиться в Индию. А пока все его время занимали муштра и рискованные спортивные занятия вроде игры в поло и скачек с препятствиями. Это было обычным делом для любого британского военного той поры. Перед Индией офицерам полагался длинный отпуск – ведь срок службы там составлял целых девять лет. И младший лейтенант Черчилль решил, что проведет его на Кубе, где местное население восстало против испанского владычества. Его замысел состоял в том, чтобы, находясь в самом центре событий (и, по возможности, опасностей), писать репортажи для газет.

Для Черчилля всегда было важно находиться в гуще происходящего. Риск и опасность его не пугали, а напротив, вдохновляли. Решение Черчилля отправиться на Кубу ничуть не напоминало порыв. Это была возможность не только обеспечить себе быстрое продвижение по службе, но и заработать военной журналистикой столь необходимые ему средства. К тому же таким образом он мог привлечь к себе внимание общественности в свете приближающейся кампании по выборам в Парламент. И он не просто собрался и поехал. Черчилль поступил так, как поступал в будущем всегда, если ему что-то было нужно. Он определил круг лиц, обладающих необходимыми для этого властью и полномочиями, и обратился непосредственно к ним. Он убедил мать попросить об одолжении ее друга, британского посла, и тот снабдил его рекомендательными письмами ко всем руководителям гражданской и военной испанской администрации. Следующий визит он нанес начальнику генерального штаба британской армии и получил от него формальное разрешение поехать на Кубу. Затем задействовал начальника военной разведки, который дал ему

инструкции насчет сбора разведданных на острове. К концу ноября 1895 года Уинстон Черчилль был аккредитован при одной из испанских воинских частей, сражавшихся с кубинскими повстанцами.

Некоторым, очень немногим, нравится, когда вокруг стреляют. К таким людям относился, например, Джордж Вашингтон. В письме своему двоюродному брату, Джону Огастену Вашингтону, из лагеря в Грейт Мидоус, штат Пенсильвания, написанном 31 мая 1754 года, он признавался: «Могу честно сказать, что в свисте пуль, который я слышал вокруг, было нечто очаровательное». Примерно так же писал и Уинстон Черчилль в 1896 году. Переплывая реку, которую форсировал его отряд, он попал под небольшой обстрел. В своем отчете в газету он обстоятельно описывает звук летящих пуль: «Иногда это было похоже на вздох, иногда – на свист, а некоторые жужжали, как разозленные осы». А матери он сообщил, что «наслушался достаточно свиста пуль, чтобы на некоторое время успокоиться».

«Один бокал шампанского вызывает чувство восторга. Нервы приходят в легкое возбуждение, воображение начинает бурлить, язык развязывается. Целая бутылка производит обратный эффект – излишество вызывает полную бесчувственность. То же касается и войны – достоинства и того и другого можно оценить, принимая в ограниченных количествах».

«История Малакандского полевого корпуса», 1898

На Кубе Черчилль приобрел бесценный опыт. Именно там он почувствовал тот особый вкус жизни, который придает ей серьезная опасность. Еще важнее было увидеть, какой силой обладают люди, преисполненные решимости. Официально Черчилль был прикомандирован к испанским войскам (одна империя помогала другой), но скоро он стал восхищаться кубинскими повстанцами. Они не только преуспели во владении необычными видами вооружений и партизанских методах ведения боевых действий (которые Черчилль всячески поддерживал во время Второй мировой войны, – достаточно вспомнить об Управлении специальных операций (УСО) в Европе или чиндитах[2 - Специальные силы Британской Индии, действовавшие в 1943–1944 годах в Бирме методами глубинной разведки и партизанской войны.] в Бирме), но и преодолевали любые трудности. И чем настойчивее испанцы пытались уничтожить их, тем сильнее они становились. Это был пример умело брошенного вызова опасностям.

Получив известность в качестве военного репортера, Черчилль вернулся в свой полк. Весной 1897 года, приехав на побывку домой, он получил новости о боевых столкновениях в северо-западных провинциях Индии. И тут же отбил телеграмму генералу сэру Биндону Бладу, который командовал карательной экспедицией против повстанцев в Малаканде (регион, ныне принадлежащий Пакистану), с просьбой принять его в действующую армию. Уже сам по себе этот поступок говорил о запальчивости молодого офицера, однако Черчилль даже не стал дожидаться ответа. Он сел на первый попавшийся корабль в направлении Бомбея (ныне Мумбаи) и, только прибыв туда, обнаружил ответную телеграмму Блада, начинавшуюся со слов: «Вакантных позиций нет». Впрочем, далее следовало: «Приезжайте в качестве корреспондента. Постараюсь вас пристроить. Б.Б.»

Так Черчиллю удалось присоединиться к экспедиционному корпусу в Малаканде. Во время экспедиции он ежедневно отправлял репортаж из трехсот слов в индийскую газету «Пионер Аллахабада» и благодаря связям матери также публиковал хорошо оплачиваемые колонки в лондонской Daily Telegraph. Однако он не только писал. 16 сентября 1897 года его бригада подверглась нападению пуштунов, понеся тяжелые потери и едва избежав полной гибели в горных ущельях северо-западной пограничной зоны. Во время этой стычки младший лейтенант Черчилль с четырьмя другими офицерами и восемьюдесятью солдатами-сикхами далеко оторвался от основной колонны и был отрезан от нее в окрестностях неприятельской деревни. Офицерам было положено только личное оружие, но в этой ситуации Черчилль взял многозарядную винтовку Lee-Enfield, выпавшую из рук раненого сикха, и открыл шквальный огонь по пуштунам в надежде остановить их, несмотря на значительный численный перевес. Но у сикхов было другое мнение на этот счет, и они начали медленный отход, довольно быстро превратившийся в бегство. Обнаружив, что окружавшая его «армия» исчезает, Черчилль понял, что у него нет другого выхода, и также покинул поле боя на своем сером коне. Однако отметил, что «оставался до последнего».

Выше упоминалось о том, что книга «История Малакандского полевого корпуса», в которой Черчилль описывал пережитое в составе карательной экспедиции, стала сенсацией. Это в значительной степени подстегнуло его стремление попасть в следующую горячую точку – на границу между Египтом и Суданом. Его рапорты с просьбой направить его в Северную Африку к генералу Китченеру остались без внимания, поскольку старшие офицеры были неприятно поражены

многочисленными дерзостями, которые Черчилль позволил себе в книге. Однако премьер-министр Солсбери счел «Историю Малакандского полевого корпуса» увлекательным чтением. Он пригласил Черчилля на Даунинг-стрит, 10, выразил ему свои восторги и спросил, чем может быть полезен. Черчилль тут же ответил, что хочет получить назначение в Египет, и Солсбери написал британскому поверенному в Каире. По счастью, в 21-м уланском полку имелась вакансия, а Китченер, которому служебные перемещения всяческих Уинстонов Черчиллей были абсолютно безразличны, не возражал. Молодой офицер направился в Каир с такой поспешностью, что даже забыл доложить командованию 4-го гусарского полка о своем переводе.

Звездный час Черчилля в составе Нильской армии генерала Китченера наступил 2 сентября 1898 года, когда в трех милях от Хартума состоялось сражение при Омдурмане. Ранним утром сорок тысяч разъяренных мусульман атаковали англо-египетскую армию, насчитывавшую 27 000 человек. Значительному численному перевесу повстанцев бойцы Китченера противопоставили современные самозарядные винтовки, пулеметы и артиллерию. Стойко обороняясь, они уничтожали полчища атакующих, и к девяти часам утра, как раз до наступления нестерпимой жары, все было кончено. Как умелый и осторожный полководец, лорд Китченер захотел убедиться в том, что противник не сможет провести перегруппировку. Под конец сражения он приказал 21-му уланскому полку полностью зачистить поле боя от остатков вражеских сил. Полк насчитывал не более 300 всадников, и они набросились на разбегающихся повстанцев числом более 3000 человек. В таких случаях офицеры-кавалеристы обычно применяют сабли, но Черчилль выхватил маузер и лично уничтожил шестерых дервишей (чтобы быть более точным – троих «наверняка», двоих «возможно» и еще одного «маловероятно»).

Как и в стычке с пуштунами, он сражался на переднем крае, и в какой-то момент едва не оказался отрезанным от своих. Из 300 улан 21 был убит, а 49 ранены. Полк потерял половину своих лошадей. Такой ценой задача была выполнена. Враги потерпели полное поражение.

«Величайшие битвы в истории были выиграны благодаря превосходству силы воли, которая позволяла вырвать победу вопреки любым обстоятельствам и использовать для ее достижения малейшие возможности».

Речь в Палате общин 25 июня 1941 года

Полное поражение, хотя бы и временное, потерпело и увлечение Уинстона Черчилля армейской жизнью. Сразу после официального завершения похода Китченера в начале 1899 года он подал в отставку, вернулся в Англию и написал свою вторую книгу – отчет о кампании под названием «Война на реке». Он снова приобрел известность, и, воспользовавшись этим, Консервативная партия выдвинула его кандидатуру на выборах в Парламент от города Олдхэм в графстве Ланкашир, население которого состояло преимущественно из рабочего класса. Выборы он проиграл с небольшим отрывом, после чего немедленно отправился в Южную Африку с намерением красиво пожить в качестве корреспондента газеты Morning Post на Второй («Великой») Англо-бурской войне.

Как обычно, Черчилль проявил себя далеко не только как репортер. Во время обороны британцами крепости Ледисмит, которая оказалась в осаде буров, он находился на борту бронепоезда, перевозившего отряд из 150 человек из Эсткорта, находящегося неподалеку от блокированной крепости, на рекогносцировку в направлении города Коленсо. В то время, когда танки и прочие бронированные экипажи еще не существовали, бронепоезд являлся вершиной военно-транспортной мысли. Тем не менее в условиях военных действий он был вполне уязвим, чем не преминули воспользоваться буры – они устроили диверсию, и состав сошел с рельсов.

Черчилль успешно руководил работой по расцепке сошедших с рельсов вагонов с оставшимися на путях и по восстановлению локомотива, но вскоре он и его товарищи оказались в окружении отряда из пятисот буров, и им пришлось сдаться в плен. Черчилля отправили в лагерь для военнопленных, организованный в одном из школьных зданий Претории, – столицы провинции Трансвааль. Его глубоко огорчал не только сам факт сдачи в плен: последовавшее за ним заточение возмущало еще больше. Вскоре он присоединился к составлению плана побега, который разрабатывали двое других заключенных. Но в решающий момент его товарищи замешкались, и Черчилль в одиночку перепрыгнул через ограду и скрылся в ночи.

На следующий день он на товарном поезде тайком добрался до дома англичанина – управляющего шахтой. Тот в течение трех дней прятал его в пустовавшем забое до прибытия железнодорожного состава с грузом шерсти, направлявшегося в Мозамбик (в то время – португальская колония). Железнодорожник спрятал Черчилля среди тюков шерсти, где ему удавалось ускользать от бдительного ока многочисленных бурских проверок на долгом пути до портового города Лоренцо Маркиш (ныне Мапуту). Там он сел на

попутный корабль и 23 декабря прибыл в Дурбан, находившийся в Британской Южной Африке.

Пленение и успешный побег из лагеря военнопленных, пришедшиеся на время самых больших неудач англичан в войне с бурами, сделали Уинстона Черчилля национальным героем. Он воспользовался своей славой, чтобы стать помощником начальника легкой кавалерии Южноафриканской армии. В этой должности он принимал участие в военных действиях в районе Ледисмита, которые завершились снятием блокады 28 февраля 1900 года, а затем в победном наступлении на Трансвааль. Ему довелось освобождать лагерь для военнопленных в Претории, где он побывал в заключении. А затем он едва не погиб под Деверсдорпом – его лошадь испугалась ожесточенной пальбы и сбросила седока. Черчилля спас кавалерист, поднявший его на свое седло. Конь, раненный разрывной пулей, истекал кровью под тяжестью двух ездоков, но тем не менее доставил их до безопасного места прежде, чем испустить дух. Другая близкая встреча со смертью произошла во время переезда из Претории в Кейптаун – на очередном бронепоезде. Как и в первом случае, он попал в засаду, сопровождавшуюся мощным артиллерийским обстрелом. Черчилль взял руководство командой бронепоезда на себя, и на этот раз ему удалось отразить атаку. По возвращении в Англию Черчилль вновь взялся за перо, из-под которого быстро появилась новая книга «От Лондона до Ледисмита через Преторию», принесшая ему небольшое состояние. Он баллотировался в Парламент, на этот раз успешно, и стал его членом в феврале 1901 года. Вскоре Уинстон Черчилль приобрел известность искусного оратора. Кроме того, он стал объектом внимания благодаря своему неожиданному переходу из стана тори к либералам вследствие разногласий с Консервативной партией по вопросу свободной торговли. Либералы приняли нового единомышленника-знаменитость с распростертыми объятиями. Черчилль быстро вырос до должности заместителя государственного секретаря по делам колоний, а в 1908 году стал председателем Торговой палаты (британский аналог поста министра промышленности и торговли. – Прим. ред.), что обеспечило ему членство в кабинете министров. В том же году он женился на юной титулованной леди из Мэйфэйр по имени Клементина Хозьер – девушке потрясающей красоты и непреклонной воли, которая стала для него источником вдохновения и поддержки на всю жизнь.

«Есть старая пословица насчет того, что если появилась новая книга, следует внимательно перечитать старую. Как писатель, я не могу рекомендовать строго

придерживаться такой практики».

Из книги Дж. А. Сатклиффа

«Изречения Уинстона Черчилля»

В качестве председателя Торговой палаты Черчилль перестроил курс политики в области занятости – от полного попустительства издержкам капиталистической эксплуатации к социальному реформаторству. Он ратовал за введение восьмичасового рабочего дня для шахтеров, преследовал случаи применения потогонной системы[3 - Форма производства, допускающая крайнюю эксплуатацию трудящегося (иначе называется «система выжимания пота»).] и наряду с мерами по сокращению безработицы ввел стандарты минимальной оплаты труда. Эти реформы вызвали обвинения в предательстве по отношению к взрастившему его классу тори. Но по мере роста сопротивления своей политике рос и энтузиазм Черчилля к реформаторству. Сыграв ключевую роль в принятии Парламентского акта 1911 года, который резко ограничил в правах наследных членов палаты лордов, он стал популярен в народе и в результате вознесся на должность министра внутренних дел. Однако на этом посту его либеральному рвению предстояло столкнуться с суровой реальностью. В ответ на рост стачечного движения и проявления насилия в выступлениях рабочих Черчиллю пришлось прибегать к полицейским мерам, что не могло не подорвать его репутацию либерала.

Именно в этот противоречивый момент в октябре 1911 года он оставил министерство внутренних дел и стал первым лордом Адмиралтейства. На фоне обострившейся гонки вооружений с кайзеровской Германией Черчилль выступил за срочную модернизацию Королевских военно-морских сил, руководил этим процессом и обеспечил численное превосходство британского флота над усилившимся германским. Ему удалось добиться выделения на эти цели самой большой суммы в британской истории. И в немалой степени благодаря его усилиям флот оказался намного более готовым к начавшейся 1 августа 1914 года Первой мировой войне, чем сухопутные силы.

К тому времени доверие Черчилля к военно-морскому флоту, для развития которого он сделал так много, стало поистине безграничным. Оно привело его к идее масштабной комбинированной операции сухопутных и морских сил по установлению контроля над морским проливом Дарданеллы, разделяющим Балканы и Малую Азию, который принадлежал в то время союзнику Германии –

Турции. Необходимость овладения Дарданеллами Черчилль обосновывал тем, что это даст возможность открыть морской путь для снабжения России – главного союзника Британии на Восточном фронте. Этот его первый опыт планирования стратегических операций отличался характерной смелостью, но автору не хватило терпения надлежащим образом проработать все детали. Флот потерпел в дарданелльской операции неудачу, и Черчилля отправили в отставку с поста первого лорда Адмиралтейства. На него возложили вину и за провал сухопутной операции[4 - Высадка десанта на Галлиполийский полуостров с последующим, как планировалось, захватом укреплений противника в районе Дарданелл.], в которой Антанта за восемь месяцев отчаянных боев потеряла 252 тысячи человек, из них 46 тысяч убитыми. К ноябрю 1915 года все связи Черчилля с правительством были разорваны.

Он считал, что провал операции означает конец его политической карьеры. Чтобы развеяться, Уинстон занялся живописью, которая стала его страстным увлечением и служила средством успокоения в течение всей последующей жизни. Однако далеко не все сбросили его со счетов. Редактор лондонского Observer Дж. Л. Гэйвин проницательно замечал в своей газете: «Он молод. Он обладает смелостью льва. Его способности и силы неодолимы для любых вражеских полчищ. Впереди его ждет триумф». И сам Черчилль скоро осознал, что не может долго находиться в стороне от военных действий. Он принял командование 6-м батальоном Королевских шотландских фузилёров и участвовал в боях на Западном фронте вплоть до возвращения в Англию в мае 1916 года. В июле следующего года пост премьер-министра занял его друг и политический союзник Дэвид Ллойд Джордж, который назначил Черчилля министром вооружений.

Хотя новый пост был несравним по важности с должностью первого лорда Адмиралтейства и не предоставлял членства в кабинете министров, Черчилль отдался новой работе с энергией и энтузиазмом. Производство и поставка боеприпасов резко увеличились – к концу войны наблюдался излишек патронов. Кроме того, он выступил за разработку и производство того, что сначала называлось «сухопутным крейсером», но очень скоро стало известно как танк. Несмотря на большие технологические проблемы, Черчилль был уверен, что именно это вездеходное средство передвижения с мощной броней и тяжелым вооружением способно совершить необходимый перелом в противостоянии на Западном фронте. Танк проходил через траншеи и минные поля, преодолевал проволочные заграждения и другие препятствия и был неуязвим для пулеметного огня. Но его нужно было сделать полностью пригодным для применения в полевых условиях. Но хотя эти танки и страдали от

многочисленных недоработок, они оказали влияние на ход военных действий. А к следующей войне стали одним из основных видов вооружения, навсегда изменившим способ ведения сухопутного боя.

Сразу после перемирия 1918 года Черчилль был назначен военным министром и министром авиации. И удивил всех решительностью, с которой сокращал военные расходы, – даже на фоне собственных призывов к вмешательству Великобритании в дела России в период большевистской революции. В 1921 году он возглавил министерство по делам колоний, где ему пришлось разбираться с проблемами подмандатных территорий на Ближнем Востоке. Черчилль внимательно прислушивался к легендарному, хотя и довольно эксцентричному, военному разведчику Т. Э. Лоуренсу («Лоуренс Аравийский»), возглавлявшему партизанскую войну арабов против Османской империи в период Первой мировой войны. Он поддерживал требование признать Палестину родиной евреев, одновременно призывая к соблюдению прав арабов. В 1922 году, когда мятежные турки угрожали нейтралитету Дарданелл, установленному по итогам Первой мировой войны, Черчилль настаивал на жесткой реакции. Но потрясенная британская общественность, испугавшись, что это приведет к новой войне, выступила против него. Сраженный острым приступом аппендицита, Черчилль не смог защищаться и не участвовал в парламентской кампании. Поэтому, по его собственной формулировке, он неожиданно лишился «места в кабинете, места в Парламенте, членства в партии и даже аппендикса».

Невольный уход из политики позволил Черчиллю заняться литературным трудом. Его собственная версия истории мировой войны под названием «Мировой кризис» принесла достаточно денег, чтобы сделать возможной покупку прекрасного загородного имения Чартвелл в графстве Кент. Оно не было столь же величественным, как Бленемский дворец. Однако это был чудесный кусочек старой Англии, к которому Черчилль оставался привязан всей душой до конца своих дней.

В 1923 году он не смог стать членом Парламента и на следующий год принял предложение выдвигаться кандидатом Консервативной партии от города Эппинга. Продолжая оставаться членом Либеральной партии, он тем не менее представлялся как «независимый конституционалист-антисоциалист», поддерживая при этом консерваторов и фактически перейдя в их лагерь, теперь уже на всю оставшуюся жизнь.

«Некоторые люди меняют свою партийную принадлежность вследствие убеждений, а другие меняют убеждения в интересах своей партии».

Речь в предвыборной кампании 1906 года

В процессе формирования коалиционного правительства новый премьер-министр, консерватор Стэнли Болдуин, назначил Черчилля канцлером казначейства. Уинстон Спенсер Черчилль совершенно точно заслуживал прозвища «мастер на все руки». Но он унаследовал от предков неизлечимую беспомощность в денежных вопросах – талант финансового администратора отсутствовал у него напрочь. Став членом кабинета министров, Черчилль немедленно вернул денежное обращение страны к золотому стандарту, что вызвало резкую дефляцию фунта стерлингов и последовавшие за ней массовую безработицу, забастовку шахтеров и всеобщую забастовку 1926 года. В этой кризисной ситуации предложение Черчилля потуже затянуть пояса выглядело не слишком удачным. Что еще хуже, восприняв всеобщую забастовку как личное оскорбление и попытку революции, он отказывался обсуждать условия ее прекращения. Вместо этого он подбросил в костер дровишек, назначив самого себя редактором British Gazette – агитационной газеты правительства, направленной против забастовочного движения. Такая неуступчивость привела к огорчительному для Черчилля последствию – резкому росту популярности сверхлиберальной Лейбористской партии. В 1930 году он вышел из правительства Болдуина и возглавил ожесточенную политическую кампанию против проекта закона, предоставлявшего Индии статус доминиона.

«Иногда ему случается споткнуться о правду, но он быстро вскакивает на ноги и продолжает бежать, как будто ничего не произошло».

Слова о премьер-министре Стэнли Болдуине, приписываемые Черчиллю

Большую часть 1930-х годов Черчилль провел вне узкого круга британского руководства. Он оставался в поле зрения общественности как беспощадный критик политики Болдуина, направленной на предоставление независимости Индии. И, кроме того, он твердо отстаивал свою точку зрения на опасность, исходящую от нацистской Германии. Выступая в Парламенте и в прессе, Черчилль постоянно предупреждал о том, что гитлеризм подталкивает мир к новой войне. Он говорил, что перед лицом этой угрозы Великобритания должна

находиться в полной боевой готовности. В частности, настаивал на принятии срочных мер в ответ на стремительный рост мощи германских военно-воздушных сил. Для того чтобы поставить Британию на колени и облегчить сухопутное вторжение, первый удар Гитлер нанесет с воздуха, считал Черчилль. Он стал главным оппонентом политики умиротворения, проводившейся преемником Болдуина Невиллом Чемберленом, которая состояла в попытке откупиться от агрессивной экспансии Гитлера, а не противостоять ей. Пытаясь избежать войны, к которой, по его мнению, Британия была совершенно не готова, Чемберлен содействовал германской аннексии Судетской области – региона компактного проживания немцев в Чехословакии. Черчилль считал, что умиротворить диктатора невозможно в принципе, а пожертвовать суверенитетом Чехословакии не только аморально и подло, но и глупо со стратегической точки зрения. Эта страна занимала исключительно важное место в центре Европы и обладала весьма привлекательными месторождениями угля. Когда по возвращении с Мюнхенской конференции (29–30 сентября 1938 года), на которой он сдал Судеты Гитлеру, Чемберлен заявил, что «привез мир нашему поколению», Черчилль без обиняков назвал это «полной и безоговорочной капитуляцией».

Дальнейшие события показали правоту последнего. И после нападения Гитлера на Польшу, положившего начало Второй мировой войне в Европе, Чемберлен предложил ему вновь занять пост первого лорда Адмиралтейства.

С характерной для него напористостью Черчилль тут же предложил отправить боевой десант в Норвегию с целью вытеснения оттуда немцев. Эта попытка потерпела неудачу, подобно фиаско в Галлиполи во время Первой мировой войны. Но на этот раз пал не Черчилль, а Чемберлен, который ушел в отставку в мае 1940 года. Черчилль сменил его на посту премьер-министра с началом самого тяжелого периода Второй мировой войны.

Характер Черчилля в этой кризисной ситуации проявился в том, что он, ни минуты не тяготясь размышлениями о неудаче в Норвегии, целиком отдался делу спасения своей страны. Он полностью отдавал себе отчет в том, что таким образом защищает весь свободный мир.

Черчилль принял на себя всю ответственность руководителя военного времени. Видя, как европейские страны одна за другой попадают под иго Германии, он обратил свой взгляд на Соединенные Штаты. Те сохраняли нейтралитет, не желая вовлекаться в очередную «европейскую» войну. Черчилль установил

тесный личный контакт с президентом Франклином Д. Рузвельтом и убедил его отказаться от нейтралитета. Первым шагом стала программа ленд-лиза – государственная программа, в рамках которой Соединенные Штаты безвозмездно снабжали оружием, армейским снаряжением, самолетами и боевыми кораблями Англию (а затем и других союзников, в первую очередь Советский Союз).

Ленд-лиз помог совершить рывок в укреплении обороноспособности Великобритании, однако в 1940 году мощь германской военной машины казалась непреодолимой. В конце мая – начале июня английская армия потерпела поражение у Дюнкерка на французском побережье Северного моря. Тогда лишь чудом удавшаяся эвакуация предотвратила практически полное уничтожение группировки. Позже летом того же года началась «Битва за Британию»: немецкая люфтваффе[5 - Название германских военно-воздушных сил в составах рейхсвера, вермахта и бундесвера. В русском языке обычно применяется к ВВС вермахта (1933–1945).] начала именно то, о чем за несколько лет до того предупреждал Черчилль, – массированные бомбардировки Лондона и других английских городов. Британцы готовились к вторжению, а точнее, Черчилль готовил страну к ожесточенному сопротивлению захватчикам. 4 июня 1940 года он обратился к Парламенту с одной из своих самых знаменитых речей, провозгласив: «Мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся…»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Доверенное лицо.

2

Специальные силы Британской Индии, действовавшие в 1943–1944 годах в Бирме методами глубинной разведки и партизанской войны.

3

Форма производства, допускающая крайнюю эксплуатацию трудящегося (иначе называется «система выжимания пота»).

4

Высадка десанта на Галлиполийский полуостров с последующим, как планировалось, захватом укреплений противника в районе Дарданелл.

5

Название германских военно-воздушных сил в составах рейхсвера, вермахта и бундесвера. В русском языке обычно применяется к ВВС вермахта (1933–1945).

Купить: https://tellnovel.com/ru/cherchill-_uinston/nikogda-ne-sdavaytes

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить